

Владимир А. Плуноян
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова филологический факультет
plungian@iling-ran.ru

УДК 811.16'367
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2023.27.2.3>
оригинални научни рад
примљен 31. 8. 2023.
прихваћен за штампу 22. новембра 2023.

Анастасия Д. Подгорная
Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова филологический факультет
podganastas@gmail.com

ОБЗОР СЕМЕЙСТВА КОНСТРУКЦИЙ С ФУНКЦИЕЙ «ПОНИЖЕНИЯ АГЕНСА» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

В данной работе представлен обзор конструкций, выполняющих функцию «понижения агенса», в славянских языках, что включает причастный пассив, субъектный имперсонал с кратким пассивным причастием (на *-no/to*), форма с континуантом праславянского **sę*, в разных языках демонстрирующая свойства пассива или имперсонала, конструкции с глаголом в форме 3-го лица мн.ч. и ед.ч. (ср.р.), универсальные употребления 2-го лица ед.ч., 1-го лица мн.ч. и лексемы со значением ‘человек’. Рассматриваются параметры их варьирования в славянских языках и особенности параллельных корпусов, привлекаемых в их исследовании.

Ключевые слова: параллельный корпус, понижение агенса, пассив, имперсонал, славянские языки.

The article gives an overview of agent-demotion constructions in Slavic languages, including participial passives, subject impersonals with short passive participles (in *-no/to*), forms with a continuant of the Proto-Slavic **sę* that can be characterized in different languages as a passive or impersonal form, impersonal uses of the 3rd-person forms and universal uses of the 2nd and 1st-person forms and lexemes meaning ‘a human being’. We discuss their diversity and the peculiarities of parallel corpora used in the studies devoted to such constructions.

Keywords: parallel corpus, agent demotion, passive, impersonal, Slavic languages.

1. Введение

Различия в концептуализации ситуации, связанные с коммуникативной важностью ее элементов, могут иметь разнообразные языковые проявления. Если главное действующее лицо — участник, прототипически имеющий самый высокий коммуникативный ранг, — оказывается по определенным причинам менее значимым, говорящий может прибегнуть к набору залоговых

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260 (<https://rscf.ru/project/23-18-00260/>).

и имперсональных конструкций и других средств, выполняющих функцию так называемого «понижения агенса» (здесь и далее имеется в виду понижение коммуникативного ранга, которое может иметь различные семантические и прагматические эффекты, подробнее см. ниже).

Объединение разнообразных конструкций под данным ярлыком позволяет задать широкие границы поля, в рамках которого различным формальным средствам соответствуют различные функциональные зоны (Muhill 1997; Sansò 2006), причем употребление структурных эквивалентов в том числе в родственных языках может иметь существенные расхождения (Sansò 2003; Giacalone Ramat, Sansò 2007; Johansson 2007; Siewierska 2011; Siewierska, Papastathi 2011). В славянских языках фиксируется много сходных конструкций, обнаруживающих межъязыковые различия (Ивић 1962–1963; Сятковский 1963; Siewierska 1988; Berger 1991; Fried 2006; Поляков 2010; Ухлик, Желе 2020), поэтому цельное рассмотрение зоны «понижения агенса» в рамках данной группы средств представляется желательным направлением исследования.

Удобным и часто используемым инструментом для межъязыкового сопоставления являются переводные тексты, ср. применение этого подхода на материале славянских языков в (Mitkovska 1998; Poljakov 2008; Иванова, Градинарова 2015; Bauer 2021; подробнее об использовании параллельного корпуса см. также нашу публикацию Плунгян, Подгорная 2023). Основываясь на введенной в данной статье терминологии и описанных в ней наблюдениях, ниже мы опишем параметры варьирования специализированных средств «понижения агенса» в славянских языках (раздел 2), а также рассмотрим особенности и перспективы их изучения на материале параллельных текстов (раздел 3).

2. Средства «понижения агенса» в типологии и славянских языках

Под «понижением агенса», как уже было сказано, подразумевается потеря участником с агентивной семантической ролью привилегированного коммуникативного статуса (как правило, это статус подлежащего), маркированная различными языковыми средствами.

В случае «понижения» агенса может быть или выражен в периферийной синтаксической позиции (например, агентивного дополнения) или полностью опущен, что характерно для конструкций с имперсональной семантикой. Идея «понижения», или, в других терминах, «дефокусирования» агенса (*agent defocusing*) как основной функции пассива и ряда «псевдопассивных» (*pseudopassive*) конструкций в типологической перспективе во многом восходит к известной работе (Shibatani 1985). Сходные идеи высказывались в

1960–70 гг. и в рамках концепции «деагентивизации» (*deagentizace*), разработанной М. Греплом и другими исследователями на материале славянских языков, в первую очередь чешского, см. (Grepl 1973; Daneš et al. 1987) и др., а также подхода Ленинградской типологической школы, рассматривающего в качестве пассивных широкий набор конструкций, в которых «в отличие от исходных лексически выраженный конкретный субъект не занимает позицию подлежащего» (Холодович 1974: 13), однако последний подход, опираясь на понятие подлежащего и перераспределение синтаксических ролей, представляет синтаксическую трактовку залога, см. также (Мельчук, Холодович 1970), в то время как мы понимаем залог как явление, связанное в первую очередь с маркированным перераспределением коммуникативного ранга участников, см. обсуждение в (Плунгян 2011: 183–192).

Пассив в славянских языках представлен **конструкцией с кратким причастием на -n/t- и вспомогательным глаголом ‘быть’** («причастный пассив»), в рамках которой выражение агенса в периферийной позиции обычно допустимо (Siewierska 1988: 245, 251). По крайней мере в русском нормативно такие формы ограничены совершенным видом,¹ в отличие от ряда других славянских языков (Siewierska 1988: 247–248). В сочетании с глаголами совершенного вида они омонимичны результативу — аспектуальной категории, семантика которой заключается в описании состояния какой-либо сущности, возникшего в результате предшествующего события, например, *Когда я проходил мимо, магазин еще был открыт* (Недялков, Яхонтов 1983: 7), см. о проблеме различения пассивной и результативной интерпретации в (Siewierska 1988: 248–250; Князев 1989; Падучева 2004; Князев 2007: 561–579; Giger 2009: 270–271; Танасић 2014: 26–30; Daneš et al. 1987: 240–241). Раздельное выражение данных категорий представлено в польском, где в качестве вспомогательного глагола при пассиве с глаголами совершенного вида употребляется *zostać* ‘стать’, а результатив образуется с помощью *być* ‘быть’ (Siewierska 1988: 250–251; Князев 2007: 567–571).

Функционально, а во многих языках и структурно, пассив связан с категорией субъектного имперсонала — интерпретирующей актантажной деривации (Плунгян 2011: 216), не допускающей выражения агенса и не устанавливающей явной референциальной связи агенса с какой-либо сущностью в мире дискурса (Падучева 2012: 32, Gast, van der Auwera 2013: 136).² Опущенный

1 В корпусе встречаются и примеры конструкций с некоторыми глаголами несовершенного вида типа *были званы* (см. в особенности Borik, Gehrke 2018), хотя их частотность мала (Коломацкий 2007: 21).

2 В рамках структурного подхода, при котором критерием имперсональности считается отступление от прототипа подлежащего, данная категория соответствует классу R-имперсоналов (Malchukov, Ogawa 2011; Siewierska 2011; Gast, van der Auwera 2013).

участник имперсональных конструкций интерпретируется как человек или множество людей, ср. (Mitkovska 1998: 2; Пипер и др. 2005: 600; Siewierska 2011: 57–58; Падучева 2012: 29; Kibort 2008: 263; Ухлик, Желе 2020: 102) и др., а их сочетаемость ограничена переходными и непереходными глаголами с единственным агентивным участником (Градинарова 2007: 42–43; Bunčić 2018; Kretzschmar et al. 2022; Ухлик, Желе 2020: 103) и др.

Краткое пассивное причастие также участвует в польском, украинском и северных русских диалектах (реже в белорусских диалектах (Mazzitelli 2021: 291)) в образовании **формы на -n/t-, при которой сохраняется аккумулятивное маркирование пациенса**. В польском конструкция с особой отличной от причастия формой на *-no/to* является продуктивным стилистически нейтральным средством имперсонализации и тяготеет к употреблению в эпизодических контекстах с глаголами совершенного вида (Prenner, Bunčić 2021: 212–216). При ней невозможно выражение агенса и вспомогательного глагола (Kibort 2008: 265–266). Формы на *-no/to* в украинском и на *-na/ta* в белорусских диалектах (Mazzitelli 2021: 294), однако, могут употребляться с выраженным агенсом (притом не обязательно интерпретируемым как человек, в отличие от польского), что характеризует их как «ленивый пассив» (Плунгян 2011: 196), характерный также для северных русских диалектов, см. (Wiemer 2004) и мн. др.

Лучше всего в контрастивном аспекте в славянских языках описаны так называемые «рефлексивные» **формы с континуантом праславянского *sę**. В русском, белорусском (но не украинском (Вихованець та ін. 2017)), болгарском, македонском и словенском при них допускается выражение агентивного дополнения, что позволяет отнести их к пассивным (Митковска 1997; Fehrmann et al. 2010: 210–211; Иванова, Градинарова 2015: 415; Ухлик, Желе 2020: 104; Mazzitelli 2021: 278, 289),³ в отличие от соответствующих форм в остальных славянских языках, в сфере «понижения агенса» выражающих категорию субъектного имперсонала. В русском такие образования от непереходных глаголов маргинальны и имеют ярко выраженный разговорный — и даже сленговый — характер, см. (Поляков 2011а); сходная ситуация, по-видимому, и в белорусском (Fehrmann et al. 2010: 212); в русском, кроме того, действует достаточно жесткий запрет на совершенный вид глагола, см. обсуждение в (Перцов 2003; Зельдович 2010). В польском форма рефлексивного имперсонала от глаголов несовершенного вида более приемлема, чем от глаголов совершенного (Prenner, Bunčić 2021: 214–216), где, к тому же, не происходит продвижения пациенса. В словенском рефлексивные имперсона-

3 В то же время функционирование пассивов с агентивным дополнением ограничено, в том числе стилистически (Холодович 1974: 28; Ухлик, Желе 2020: 104 и др.), так что имперсональные употребления оказываются значительно более частотными.

лы от глаголов обоих видов возможны только в хабитуальных контекстах, но не при обозначении конкретного, в т. ч. актуально-длительного события (Ухлик, Желе 2020: 106–107), в отличие от болгарского (Градинарова 2007: 46), где, как и в македонском и сербском, данная форма возможна и от глаголов совершенного вида, в особенности в позиции сентенциального актанта с *да* (Mitkovska 1998: 2, 6–7; Градинарова 2007: 44–45, 48–51). Рефлексивные имперсоналы частотны в контекстах предписаний со значением деонтической модальности, предполагающих родовой агенс (т. н. «прескриптивный пассив» от глаголов несовершенного вида), ср. в чешском *Takhle se nesedí*. ‘Так не сидят’ (Fried 2006: 94), а также (Градинарова 2007: 45–46; Попович 2010; Ухлик, Желе 2020: 108; Mitkovska, Vužarovska 2021; Поповић 2023: 67–88).⁴ При данной форме пациенс, имеющий низкий коммуникативный статус, часто опускается (Танасић 2004: 47; Градинарова 2007: 42; Poljakov 2008: 205; Ухлик, Желе 2020: 101), и по крайней мере в чешском не может быть именем собственным (Fried 2006: 95). Эти факты свидетельствуют в пользу того, что рефлексивные имперсоналы даже при наличии продвижения пациенса кодируют «простое событие» (*bare happening*) в терминах (Sansò 2006), то есть описывают событие, не выделяя ни одного из участников, ср. похожие формулировки в (Mitkovska 1998: 5; Fried 2006: 92; Градинарова 2007: 42; Ухлик, Желе 2020: 101, 108).

Рефлексивный пассив и имперсонал следует отличать от форм с компонентом динамической модальности или оценки, в славянских языках представленных конструкциями, описывающими способность объекта подвергнуться действию (т. н. «потенциальный пассив», например, *Дверь не открывається / плохо открывається / открывається ключом*) и состояние экспериенцера (*Мне не спится / хорошо поспалось.*), см. (Градинарова 2007: 47–48; Князев 2007: 288–292, 298–301; Поляков 2011б; Mitkovska, Vužarovska 2021), а также декаузатива — понижающей актантной деривации, при которой представление об агенсе удаляется из самой концепции ситуации, тем самым уменьшая количество семантических актантов, как в предложении *Вдруг дверь открылась* (Плунгян 2011: 209–210).⁵ Помимо особых ограничений на соче-

4 В работах данный тип часто обособляется от собственно хабитуальных употреблений рефлексивной формы (*Здесь строятся дома*), однако отмечается, что прескриптивное и хабитуальное прочтение часто трудноразличимы в контексте. К тому же, модальные компоненты могут возникать и при наличии выраженного агенса, т. е. у пассивной конструкции, например, в качестве инструкции предложение *Документы передаются в комитет родителями* явно содержит модальный компонент, ср. обсуждение в (Mitkovska, Vužarovska 2021), где данные типы описываются раздельно, однако объединяются по функции «понижения агенса» (*agent defocusing*).

5 Поэтому термин «устранение субъекта» (особенно в его семантическом понимании, ср. Поляков 2010) скорее подходит для описания семантики декаузатива и кажется приме-

таемость, такие конструкции демонстрируют еще меньшую значимость агенса в концептуализации ситуации, чем рефлексивный пассив и имперсонал.⁶

Конкурирует с перечисленными выше средствами «понижения агенса» **конструкция с формой 3-го лица мн.ч. глагола** (далее ЗРЛ), ср. (Никитина 2010; Prenner, Vunčić 2021; Пипер и др. 2005: 601). В русском ЗРЛ является наиболее употребительной и указывается в качестве переводного эквивалента рефлексивного имперсонала (Градинарова 2007: 46; Poljakov 2008: 202–203; Ухлик, Желе 2020: 101), а также свободно употребляется в контекстах, предполагающих единичного неопределенного участника (*В дверь постучали*), в то время как по крайней мере в польском, чешском, сербском и словенском в них возможно только неопределенное местоимение (Berger 1991: 76–77; Siewierska, Papastathi 2011: 579–580; Мароевич 1993: 99; Ухлик, Желе 2020: 107). В перечисленных языках употребления ЗРЛ ограничены глаголами речи (*Говорят, что...*), а также случаями интерпретации агенса как ситуационно или контекстно заданной группы или ее представителя (Мароевич 1993: 98; Пипер и др. 2005: 601–602; Berger 1991: 76–78; Ухлик, Желе 2020: 107).⁷ Тем самым, по (Berger 1991: 80), ЗРЛ в таких языках является не просто альтернативным средством для пассивных и имперсональных конструкций, а привносит собственную семантику, без эксплицитной референции обозначая, что за событие ответственна часть прагматически определенной группы агентов. Во многих языках для ЗРЛ (Berger 1991: 72; Иванова, Градинарова 2015: 437) не найдено стилистических ограничений, но в польском, где ЗРЛ конкурирует с конструкцией с формой на *-no/to*, она скорее характерна для неформального общения (Prenner, Vunčić 2021: 212).

Агенса универсального статуса маркируется особыми средствами — **переносными употреблениями форм, в т. ч. местоимений, 2-го л. ед.ч.** (далее 2SG) и **конструкцией с лексемой ‘человек’**, распространенной в западно- и южнославянских языках (Giacalone Ramat, Sansò 2007: 120), а также **употреблениями 1-го л. мн.ч.** (Panevová 1976: 120; Daneš et al. 1987: 243; Падуче-

---

нительно к нашему материалу менее удачным, чем «понижение», используемый в данной статье.

- 6 Предполагается, что конструкции с рефлексивными формами образуют континуум, отражая различную степень выделенности агенса: от пассива, сохраняющего в ситуации данного участника, в том числе определенного, до декаузатива. Конструкции с модальными компонентами занимают промежуточное положение на шкале, см. (Fried 2007; Летучий 2014; Mitkovska, Vužarowska 2021).
- 7 Классификации возможных интерпретаций агенса имперсональных конструкций обладают различной степенью дробности. Подходы можно разделить на выделяющие контексты по способу идентификации, см. (Siewierska, Papastathi 2011), по сочетанию таких характеристик, как включение говорящего, веридикативность, модальность и генеричность контекста (Gast, van der Auwera 2013), и опирающиеся на референциальные статусы, выделяемые для именных групп (Berger 1991; Падучева 2012).

ва 2012: 28). Мотивация выбора между этими конструкциями и межъязыковое варьирование является интересной исследовательской проблемой, см. о механизме интерпретации форм и прагматических эффектах в таких контекстах (Булыгина, Шмелёв 1997: 335–352; Kordić 2002; Князев 2014; Deringer et al. 2015; Циммерлинг, Иванова 2019).

Агенса при перечисленных имперсональных средствах может быть интерпретирован только как человек, но не животное или неодушевленная сила, т. е. эффектор, в то время как для пассивов доступен более широкий семантический потенциал агенса, ср. *Разговор был прерван (его участниками / гостем / грозой)*. Однако в славянских языках, в особенности в восточнославянских, в меньшей степени в западно- и южнославянских (Junghanns et al. 2017; Schlund 2020), употребляется особый тип имперсональных конструкций с **формой 3-го л. ед.ч. (ср.р.)**, в которых пониженный агент является эффектором («нечто», или «стихия», (Мельчук 1974)), например, *Дорогу занесло (снегом)*.⁸

Помимо специализированных средств, функцию «понижения агенса» могут выполнять номинализации, причастные формы, используемые для наименования действующего лица, глаголы–конверсивы, метонимические переносы и др., см. типологию средств (Шелякин 1991: 75–81; Bauer 2021; Matthies 2022). Сравнение их функционирования невозможно без обширного языкового материала, источником которого могут послужить параллельные корпуса. В следующем разделе будут рассмотрены особенности корпусного материала, используемого в исследованиях конструкций с функцией «понижения агенса».

3. Параллельные тексты в исследовании конструкций с функцией «понижения агенса»

Параллельные корпуса — коллекции текстов на различных языках, между которыми можно установить отношение переводной эквивалентности (Cysouw, Wälchli 2007: 95). Несмотря на часто отмечаемые ограничения, см., например, (Wälchli 2007; von Waldenfels 2012), для изучения конструкций с функцией «понижения агенса» сравнение переводов оказывается продуктивным, так как позволяет рассмотреть кодирование разных типов контекстов и оценить межъязыковое и внутриязыковое варьирование, в том числе с применением количественных методов. Так, в (Johansson 2007) на основе параллельных текстов выявляются различия в употребительности струк-

8 В (Мельчук 1974: 358–359) аргументируется то, что участник в творительном падеже не является агентивным дополнением, в то же время возможность его выражения ограничена восточнославянскими и польским (Junghanns et al. 2017; Schlund 2020).

турно сходных средств в английском, немецком и норвежском. Обращение к такому материалу позволяет рассматривать группы контекстов с определенной семантикой, например, в (Siewierska, Papastathi 2011) анализируются имперсональные употребления местоимения 3-го л. мн.ч. (*they* в английском) и 3PL в ряде европейских языков в зависимости от референциального статуса опущенного агенса; в (Sansò 2006) на основе контекстов, извлеченных из переводных текстов, проверяется гипотеза о соотношенности средств «понижения агенса» в нескольких языках с типами ситуации (перенос внимания на пациенса, простое событие, безагенсное генерическое событие). Такой подход также позволяет уточнить и дополнить набор функционально эквивалентных средств в разных языках, ср. многообразие, выявленное в английском (Gast 2015) и славянских языках (Bauer 2021).

Подбор материала для исследования имеет свои особенности, так как рассматриваемые конструкции обладают не такой большой частотностью. Наиболее богатыми и при этом интересными для анализа могут оказаться такие тексты, в которых рассматриваемое явление регулярно используется в качестве стилистического средства. Художественная нагруженность элементов побуждает переводчика сохранять данный смысл и подыскивать конструкцию, функционально эквивалентную используемой в оригинале. Так, не раз отмечалось, что роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова включает особенно много контекстов употребления конструкций с функцией «понижения агенса», см. (Лунд 2016; Плунгян, Подгорная 2023) для реализации стратегии избегания прямой номинации определенных типов агенса (представителей «нечистой силы» и опасных государственных учреждений), что создает яркий прагматический эффект; ср. также сходные наблюдения о данных конструкциях в английском романе «Дракула» Б. Стокера и стратегиях их перевода на русский в (Уржа 2019: 28).

Выбранный текст может не содержать сбалансированное или по крайней мере достаточное для анализа количество контекстов различных типов. Так, роман «Мастер и Маргарита» дает мало возможностей для изучения средств, используемых в генерических контекстах. Нельзя исключить, что статистически значимая разница в распределении конструкций в переводах на славянские языки в зависимости от языка оригинала, выявленная в (Bauer 2021), в определенной мере показывает не только калькирование средства, употребленного в оригинале, но и различную представленность контекстов, располагающих к употреблению соответствующих конструкций, в трех выбранных произведениях.

Эффект перевода, однако, действительно искажает представление об условиях употребления и частотности языковых средств, как и предпочтения определенного переводчика, что проявляется при сравнении с корпусом ори-

гинальных текстов (Mitkovska 1998: 9–10; Johansson 2007: 32–33). Особенно часто сохранение конструкций из исходного текста при переводе с близкородственных языков, ср. критику переводов с русского на сербский, не заменяющих ЗРЛ на пассив или активную конструкцию с выраженным агенсом при его слабоопределенном статусе в (Мароевич 1993: 100–105).

Сгладить данные эффекты помогает обращение к большому количеству текстов с различными направлениями перевода, что позволяют такие параллельные корпуса, как например: ParaSol (<http://www.parasolcorpus.org/>), подкорпуса НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/>) и InterCorp в составе Чешского национального корпуса (<https://treq.korpus.cz/>). Работа с ними, однако, требует по крайней мере частичной автоматизации извлечения нужных контекстов, что для конструкций «понижения агенса» затруднено за счет обсужденной в разделе 2 омонимии с другими категориями, ср., однако, (Нестеренко 2022), где на основе разметки UDPipe извлекаются контексты употребления пассива с агентивным дополнением. Один из подходов предполагает извлечение переводных соответствий *man* в немецком (Gast 2015; Bauer 2021), применяемого как «фильтр» за счет употребительности и широкого референциального потенциала данного элемента в немецком (Johansson 2007: 178; Gast, van der Auwera 2013: 155), что, однако, исключает из рассмотрения контексты, в которых *man* предпочитаются другие средства, например, частотный в немецком пассив, см. обзор средств в (Matthies 2022).

Материал параллельного корпуса можно сочетать с данными оригинальных текстов (Deringer et al. 2015; Prenner, Bunčić 2021). Наблюдения, полученные на их основе, дополняются экспериментом на оценку приемлемости, например, в (Siewierska, Papastathi 2011; Prenner, Bunčić 2021).

Заключение

Объединение разнообразных конструкций по общности функции «понижения агенса» дает основания для их сопоставительного изучения как в рамках одного языка, так и в типологической перспективе. Намеченные параметры варьирования, релевантные для славянских языков, могут лечь в основу дальнейшего изучения их функциональных и структурных особенностей, в том числе с использованием материала параллельных корпусов.

Использованная литература

- Булыгина, Татьяна В., Алексей Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва: Языки славянской культуры, 1997.
 [Bulygina, Tat'iana V., Alekseĭ D. Shmelev. Īazykovaĭa kontseptualizatsiĭa mira (na materiale russkoĭ grammatiki). Moskva: Īazyki slavianskoĭ kul'tury, 1997]

- Вихованець, Іван Р., Катерина Г. Городенська, Анатолій П. Загнітко, Світлана О. Соколова. Граматика сучасної української літературної мови. Морфологія. За ред. Катерини Г. Городенської). Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017.
- [Vihovaneĉ, Īvan R., Katerina G. Gorodens'ka, Anatolij P. Zagnitko, Svitlana O. Sokolova. Gramatika sučasnoĭ ukrains'koĭ literaturnoĭ movi. Morfologija. Za red. Katerini G. Gorodens'koĭ). Kiĭv: Vidavniĉij dim Dmitra Burago, 2017]
- Градинарова, Алла. «Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия». Acta Linguistica Petropolitana 1, 2007: 41–54.
- [Gradinarova, Alla. «Bolgarskii sub"ektnyĭ impersonal i ego russkie funktsional'nye sootvetstviia». Acta Linguistica Petropolitana 1, 2007: 41–54]
- Зельдович, Геннадий М. «Синтетический пассив совершенного вида на -ся: почему его (почти) нет?» Вопросы языкознания 2, 2010: 3–36.
- [Zel'dovich, Gennadiĭ M. «Sinteticheskiĭ passiv sovershennogo vida na -sĭa: pochemu ego (pochti) net?» Voprosy iazykoznaniiā 2, 2010: 3–36]
- Иванова, Елена Ю., Алла А. Градинарова. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. Москва: Языки славянской культуры, 2015.
- [Ivanova, Elena IU., Alla A. Gradinarova. Sintaksicheskaĭa sistema bolgarskogo iazyka na fone russkogo. Moskva: Iazyki slavianskoĭ kul'tury, 2015]
- Ивић, Милка. „Категорија “Man-Sätze” у словенским језицима”. Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду VII, 1962–1963: 93–98.
- [Ivić, Milka. „Kategorija “Man-Sätze” u slovenskim jezicima”. Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu VII, 1962–1963: 93–98]
- Князев, Юрий П. Акциональность и стательность. Их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -н, -т. München: Otto Sagner, 1989.
- [Knĭazev, Īurii P. Aktsional'nost' i statal'nost'. Ikh sootnoshenie v russkikh konstruktssiakh s prichastiiami na -n, -t. München: Otto Sagner, 1989]
- Князев, Юрий П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- [Knĭazev, Īurii P. Grammaticheskaĭa semantika. Russkiĭ iazyk v tipologicheskoi perspektive. Moskva: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007]
- Князев, Юрий П. «Обобщенно-личные употребления форм 2-го лица в русском языке». Acta Linguistica Petropolitana 3, 2014: 324–340.
- [Knĭazev, Īurii P. «Obobshchenno-lichnye upotrebleniia form 2-go litsa v russkom iazyke». Acta Linguistica Petropolitana 3, 2014: 324–340]
- Коломацкий, Дмитрий И. «К вопросу о распределении русских пассивных форм по виду». Acta Linguistica Petropolitana 1, 2007: 14–32.
- [Kolomatskiĭ, Dmitriĭ I. «K voprosu o raspredelenii russkikh passivnykh form po vidu». Acta Linguistica Petropolitana 1, 2007: 14–32]
- Летучий, Александр Б. «Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы». Acta Linguistica Petropolitana 3, 2014: 365–395.
- [Letuchiĭ, Aleksandr B. «Mezhdu passivom i dekauzativom: russkie modal'nye passivy». Acta Linguistica Petropolitana 3, 2014: 365–395]

- Лунд, Карл Х. «Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита” и их соответствия в английском и датском языках». [В:] Э. Б. Крылова (ред.) Синхрония, диахрония, текстология. Сборник научных статей и переводов к юбилею Е. М. Чекалиной. Москва: МАКС Пресс, 2016, 214–223.
- [Lund, Karl Kh. «Russkie konstruktсии s nespetsifitsirovannym sub”ektom deistviia v romane M. A. Bulgakova “Master i Margarita” i ikh sootvetstviia v angliiskom i datskom iazykakh». [V:] E. V. Krylova (red.) Sinkhroniia, diakhroniia, tekstologiia. Sbornik nauchnykh statei i perevodov k iubileiu E. M. Chekalinoi. Moskva: MAKS Press, 2016, 214–223]
- Мароевич, Радмило. «Неопределенно-личные предложения в русском языке и их сербские эквиваленты (о соотношении сопоставительной лингвистики и теории перевода)». Вопросы языкознания 2, 1993: 96–106.
- [Maroevich, Radmilo. «Neopredelenno-lichnye predlozheniia v russkom iazyke i ikh serbskie ekvivalenty (o sootnoshenii sopostavitel’noi lingvistiki i teorii perevoda)». Voprosy iazykoznanii 2, 1993: 96–106]
- Мельчук, Игорь А. «О синтаксическом нуле». [В:] А. А. Холодович (ред.) Пассивные конструкции. Ленинград: Наука, 1974.
- [Mel’chuk, Igor’ A. «O sintaksicheskome nule». [V:] A. A. Kholodovich (red.) Passivnye konstruktсии. Leningrad: Nauka, 1974]
- Мельчук, Игорь А., Александр А. Холодович. «К теории грамматического залога (определение, исчисление)». Народы Азии и Африки, 4, 1970: 111–124.
- [Mel’chuk, Igor’ A., Aleksandr A. Kholodovich. «K teorii grammaticheskogo zaloga (opredelenie, ischislenie)». Narody Azii i Afriki, 4, 1970: 111–124.]
- Митковска, Лилјана. «Конструкциите со предлогот од и агенсниот предлошки объект во македонскиот јазик». [Во:] Ж. Цветковски (ред.) Трет научен собир на млади македонисти, Скопје: Филолошки факултет “Блаже Конески”, 1997: 19–30.
- [Mitkovska, Liljana. «Konstrukciite so predlogot od i agensniot predloški objekt vo makedonskiot jazik». [Vo:] Ž. Cvetkovski (red.) Tret naučen sobir na mladi makedonisti, Skopje: Filološki fakultet “Blaže Koneski”, 1997: 19–30]
- Нестеренко, Любовь В. Функции пассива с агентивным дополнением: квантитативный анализ на материале мультязычного датасета европейских языков. Дисс. ... кан. филол. наук. Москва: НИУ ВШЭ, 2022.
- [Nesterenko, Liubov’ V. Funktsii passiva s agentivnym dopolnieniem: kvantitativnyi analiz na materiale mul’tiiazychnogo dataseta evropeiskikh iazykov. Diss. ... kan. filol. nauk. Moskva: NIU VShĖ, 2022]
- Никитина, Елена Н. «Неопределенно-личность и страдательность: функциональные различия и тождества». [В:] М. Л. Ремнева, С. В. Князев (ред.) Вопросы русского языкознания 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. Москва: МГУ, 2010, 291–302.
- [Nikitina, Elena N. «Neopredelenno-lichnost’ i stradatel’nost’: funkcional’nye različiâ i toždestva». [V:] M. L. Remneva, S. V. Knâzev (red.) Voprosy russkogo âzykoznaniiâ

13. Fonetika i grammatika: nastoâšee, prošedšee, budušee. Moskva: MGU, 2010, 291–302]
- Падучева, Елена В. «Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект». Вопросы языкознания 1, 2012: 27–41.
- [Paducheva, Elena V. «Neopredelenno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyĭ sub”ekt». Voprosy ĭazykoznaniiâ 1, 2012: 27–41]
- Падучева, Елена В. «Событийное и стательное значение глаголов совершенного вида в русском языке». [В:] В. Ф. Выдрин, С. Ю. Дмитриенко, Н. М. Заика, С. С. Сай, Н. Р. Сумбатова, В. С. Храковский (ред.) Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П.Недялкова. Москва: Знак, 2010, 240–252.
- [Paducheva, Elena V. «Sobytiĭnoe i statal’noe znachenie glagolov sovershennogo vida v russkom ĭazyke». [V:] V. F. Vydrin, S. ĪU. Dmitrienko, N. M. Zaika, S. S. Saĭ, N. R. Sumbatova, V. S. Khrakovskii (red.) Problemy grammatiki i tipologii. Sbornik stateĭ pamiatĭ V.P.Nedialkova. Moskva: Znak, 2010, 240–252]
- Перцов, Николай В. «Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии». Вопросы языкознания 4, 2003: 43–71.
- [Pertsov, Nikolai V. «Vozvratnye stradatel’nye formy russkogo glagola v sviâzi s problemoi sushchestvovaniâ v morfologii». Voprosy ĭazykoznaniiâ 4, 2003: 43–71]
- Пипер, Предраг, Ивана Антонић, Владислава Ружић, Срето Танасић, Људмила Поповић, Бранко Тошовић. Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. У ред. академика Милке Ивић. изд. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 2005.
- [Piper, Predrag, Ivana Antonić, Vladislava Ružić, Sreto Tanasić, Ljudmila Popović, Branko Tošović. Sintaksa savremenog srpskog jezika. Prosta rečenica. U red. akademika Milke Ivić. izd. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga, Matica srpska, 2005]
- Плунгян, Владимир А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: РГГУ, 2011.
- [Plungian, Vladimir A. Vvedenie v grammaticeskuiu semantiku: grammaticeskie znacheniiâ i grammaticeskie sistemy ĭazykov mira. Moskva: RGGU, 2011]
- Плунгян, Владимир А., Анастасия Д. Подгорная. «Корпусное исследование конкуренции конструкций с функцией „понижения агенса“ в славянских языках». Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica 68(1), 2023: 1–17.
- [Plungian, Vladimir A., Anastasiia D. Podgornaiâ. «Korpusnoe issledovanie konkurentsii konstruktsii s funktsiei „ponizheniâ agensa“ v slavianskikh ĭazykakh». Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica 68(1), 2023: 1–17]
- Поляков, Дмитрий К. «„Устранение“ субъекта в славянских языках в сравнительно-историческом и ареальном аспектах». [В:] К. В. Fischer, G. Krumbholz, M. Lazar, J. Rabięga-Wisniewska (Hrsg.): Beiträge der europäischen slavistischen Linguistik. Polyslav 13. München: Verlag Otto Sagner, 2010, 186–193.
- [Poljakov, Dmitrii K. «„Ustranenie“ sub”ekta v slavianskikh ĭazykakh v sravnitel’no-istoricheskom i areal’nom aspektakh». [V:] K. V. Fischer, G. Krumbholz, M. Lazar, J.

- Rabiega-Wiśniewska (Hrsg.): Beiträge der europäischen slavistischen Linguistik. Polyslav 13. München: Verlag Otto Sagner, 2010, 186–193]
- Поляков, Дмитрий К. «Берется ранец и идетя в школу...» Русская речь 1, 2011: 63–69.
- [Poliakov, Dmitrii K. «Beretsiá ranets i idetsiá v shkolu...» Russkaia rech' 1, 2011: 63–69]
- Поляков, Дмитрий К. «Рефлективные конструкции реляционного типа в современном чешском языке». [B:] К. В. Fischer, G. Krumbholz, M. Lazar, J. Rabiega-Wiśniewska (Hrsg.): Beiträge der europäischen slavistischen Linguistik. Polyslav 13. München: Verlag Otto Sagner, 2011, 182–191.
- [Poliakov, Dmitrii K. «Refleksivnye konstruksii reliatsionnogo tipa v sovremennom cheshskom iazyke». [V:] К. В. Fischer, G. Krumbholz, M. Lazar, J. Rabiega-Wiśniewska (Hrsg.): Beiträge der europäischen slavistischen Linguistik. Polyslav 13. München: Verlag Otto Sagner, 2011, 182–191]
- Поповић, Људмила. Граматика интеракције у савременим словенским језицима. Београд: Славистичко друштво Србије, 2023.
- [Popović Ljudmila. Gramatika interaksije u savremenim slovenskim jezitsima. Beograd: Slavistichko drushtvo Srbije, 2023]
- Попович, Людмила. «О взаимодействии категорий диатезы и модальности в сербском и других славянских языках». Славистика 22(1), 2018: 143–165.
- [Popovich, Ljudmila. «O vzaimodeistvii kategorii diatezy i modal'nosti v serbskom i drugikh slavianskikh iazykakh». Slavistika 22(1), 2018: 143–165]
- Сятковский, Станислав И. «Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса (В связи с составлением синтаксического вопросника к общеславянскому лингвистическому атласу)». Вопросы языкознания 6, 1963: 69–83.
- [Siatkovskii, Stanislav I. «Nekotorye voprosy tipologicheskogo i sravnitel'no-istoricheskogo sintaksisa (V sviazi s sostavleniem sintaksicheskogo voprosnika k obshcheslavianskomu lingvisticheskomu atlasu)». Voprosy iazykoznaniiá 6, 1963: 69–83]
- Танасић, Срето. Синтакса пасива у савременом српском језику. изд. Београд: Београдска књига, Институт за српски језик САНУ, 2014.
- [Tanasić, Sreto. Sintaksa pasiva u savremenom srpskom jeziku. izd. Beograd: Beogradska knjiga, Institut za srpski jezik SANU, 2014]
- Танасић, Срето. «Безличне реченице са уопштеним агенсом». Јужнословенски филолог LX, 2004: 41–55.
- [Tanasić, Sreto. «Bezlične rečenice sa uopštenim agansom». Južnoslovenski filolog LX, 2004: 41–55]
- Уржа, Анастасија В. «Неопределенно-личные предложения в русских переводных нарративах (конец XIX–XX вв.): модусная семантика, прагматика». Мир русского слова 2, 2019: 24–31.
- [Urzha, Anastasiia V. «Neopredelenno-lichnye predlozheniia v russkikh perevodnykh narativakh (konets XIX–XX vv.): modusnaia semantika, pragmatika». Mir russkogo slova 2, 2019: 24–31]

- Ухлик, Младен, Андрея Желе. «Субъектно-имперсональные рефлексивные конструкции в словенском языке». *Slavistica Vilnensis* 65, 2020: 98–115.
- [Ukhlik, Mladen, Andreia Zhele. «Sub”ektno-impersonal’nye refleksivnye konstruktсии v slovenskom iazyke». *Slavistica Vilnensis* 65, 2020: 98–115]
- Храковский, Виктор С. «Пассивные конструкции». [В:] А. А. Холодович (ред.) Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Ленинград: Наука, 1974, 5–45.
- [Khrakovskii Viktor S. «Passivnye konstruktсии». [V:] A. A. Kholodovich (red.) Tipologiiã passivnykh konstruktсии. Diatezy i zalogi. Leningrad: Nauka, 1974, 5–45]
- Шелякин, Михаил А. «О семантике неопределенно-личных предложений». [В:] А. В. Бондарко (ред.) Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург: Наука, 1991, 62–72.
- [Sheliãkin, Mikhail A. «O semantike neopredelenno-lichnykh predlozhenii». [V:] A. V. Bondarko (red.) Teoriiã funktsional’noï grammatiki. Personal’nost’. Zalogovost’. Sankt-Peterburg: Nauka, 1991, 62–72]
- Циммерлинг, Антон, Елена Иванова. «Обобщенноличность в традиционных и формальных описаниях». Лингвистичният семинар към Катедрата по български език 29.10.2019.
- [Timmerling, Anton, Elena Ivanova. «Obobshchennolichnost’ v traditsionnykh i formal’nykh opisaniãkh». Lingvistichniãt seminar k”m Katedrata po b”lgarski ezik 29.10.2019.]
- Bauer, Anastasia. “Impersonalization in Slavic: a corpus-based study of impersonalization strategies in six Slavic languages”. *Journal of Slavic Linguistics* 29, 2021: 123–178.
- Berger, Tilman. „Zum denotativen Status „unbestimmt-persönlicher“ Konstruktionen im Tschechischen”. [In:] M. Grochowski, D. Weiss (eds.) *Words are Physicians for an Ailing Mind. Ὁρῆς νοσοῦσης εἰςὶν ἰατροὶ λόγοι*. München: Otto Sagner, 1991, 71–81.
- Borik, Olga, Berit Gehrke. “Imperfective past passive participles in Russian”. [In:] D. Lenterová, R. Meyer, R. Šmik, L. Szucsich (eds.) *Advances in formal Slavic linguistics*. Berlin: Language Science Press, 2016, 53–76.
- Bunčić, Daniel. “Impersonal constructions in Slavic languages and the agentivity of the verb”. [In:] *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018, 101–110.
- Cysouw, Michael, Bernhard Wälchli. “Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology”. *Language Typology and Universals* 60, 2007: 95–99.
- Daneš, František, Miroslav Grepl, Zdeněk Hlavsa et al. *Mluvnice češtiny 3: Skladba*. Praha: Academia, 1987.
- Deringer, Lisa, Volker Gast, Florian Haas, Olga Rudolf. “Impersonal uses of the second person singular and generalized empathy. An exploratory corpus study of English, German and Russian”. [In:] L. Gardelle, S. Sorlin (eds.) *The Pragmatics of Personal Pronouns*. Amsterdam: John Benjamins, 2015, 311–334.
- Fried, Mirjam. “Agent back-grounding as a functional domain. Reflexivization and passivization in Czech and Russian”. [In:] B. Lyngfelt, T. Solstad (eds.) *Demoting the*

- Agent. Passive, Middle and Other Voice Phenomena. Amsterdam: John Benjamins, 2006, 83–109.
- Gast, Volker. “On the use of translation corpora in contrastive linguistics. A case study of impersonalization in English and German”. *Languages in Contrast* 15, 2015: 4–33.
- Gast, Volker, Johan van der Auwera. “Towards a distributional typology of human impersonal pronouns, based on data from European languages”. [In:] D. Bakker, M. Haspelmath (ed.) *Languages Across Boundaries. Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: Walter de Gruyter, 2013, 119–158.
- Giacalone Ramat, Anna, Andrea Sansò. “The spread and decline of indefinite *man*-constructions in European languages. An areal perspective”. [In:] P. Ramat, E. Roma (eds.) *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas. Convergences from a Historical and Typological Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2007, 95–131.
- Giger, Markus. “Der Resultativ in den slavischen Sprachen”. [In:] S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.): *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Berlin: Walter de Gruyter, 2009, 269–274.
- Grepl, Miroslav. „Deagentnost a pasívum v slovanských jazycích”. [In:] B. Havránek (ed.), *Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě*. Praha: Academia, 1973, 141–149.
- Fehrmann, Dorothee, Uwe Junghanns, Denisa Lenertová. “Two reflexive markers in Slavic”. *Russian Linguistics* 34, 2010: 203–238.
- Johansson, Stig. “The generic person in English, German, and Norwegian”. [In:] S. Johansson. *Seeing through multilingual corpora. On the use of corpora in contrastive studies*. Amsterdam: John Benjamins, 2007, 175–196.
- Junghanns, Uwe, Denisa Lenertová, Dorothee Fehrmann. “Parametric variation of Slavic accusative impersonals”. [In:] O. Müller-Reichau, M. Guhl (eds.) *Aspects of Slavic linguistics. Formal grammar, lexicon and communication*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017, 140–165.
- Kibort, Anna. “Impersonals in Polish: An LFG perspective”. *Transactions of the Philological Society* 106, 2008: 246–289.
- Kordić, Snježana. „Das verallgemeinernde „čovjek“ ‚man‘ im Kroatoserbischen”. [In:] B. Synazik, G. Birkfellner, A. Sproede (eds.) *Frau und Mann in Sprache, Literatur und Kultur des slavischen und baltischen Raumes: Beiträge zu einem Symposium in Münster*. Hamburg: Kovač, 2002, 165–187.
- Kretzschmar, Franziska, Maria K. Prenner, Beatrice Primus, Daniel Bunčić. “Semantic-role prominence is contingent on referent prominence in discourse: Experimental evidence from impersonals and passives in Polish”. *Glossa: a journal of general linguistics* 7(1), 2022: 1–44.
- Malchukov, Andrej, Akio Ogawa. “Towards a typology of impersonal constructions”. [In:] A. Malchukov, A. Siewierska (eds.) *Impersonal Constructions. A Cross-Linguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2011, 19–56.
- Matthies, Jochen. “Agent demotion in German and Polish”. *Linguistik online* 115, 2022: 91–118.

- Mazzitelli, Lidia F. “Impersonal constructions in Belarusian and closely related languages: a typological and areal account”. *Ricerche slavistiche. Nuova serie* 4, 2021: 277–310.
- Mitkovska, Liljana. “The SE Passive in Macedonian Compared to the Neighbouring Slavic Languages”. *Studia Linguistica Polono-Meridianslavica* 9, Torun, 1998: 47–60.
- Mitkovska, Liljana, Eleni Bužarovska. “Quasi-passive reflexive constructions. Bridging autonomous and passive situations”. *Linguistic Typology* 25, 2021, 303–343.
- Myhill, John. “Towards a functional typology of agent defocusing”. *Linguistics* 35, 1997: 799–844.
- Poljakov, Dmitrij. „O jednom typu deagentních vět v současných slovanských jazycích, zvláště v češtině a ruštině”. *Slavistika dnes: vlivy a kontexty (Konference mladých slavistů II)*. Praha: Univerzita Karlova, 2008, 199–214.
- Prenner, Maria K., Daniel Bunčić. “The competition of arb constructions in Polish”. *Journal of Slavic linguistics* 29, 2021: 201–220.
- Sansò, Andrea. “The network of demotion: Towards a unified account of passive constructions”. [In:] K. M. Jaszczolt, K. Turner (eds.) *Meaning Through Language Contrast 1*. Amsterdam: John Benjamins, 2003, 245–259.
- Sansò, Andrea. “‘Agent defocusing’ revisited. Passive and impersonal constructions in some European languages”. [In:] W. Abraham, L. Leisiö (eds.) *Passivization and Typology. Form and Function*. Amsterdam: John Benjamins, 2006, 232–273.
- Schlund, Katrin. “Active transitive impersonals in Slavic and beyond: a parallel corpus analysis”. *Russian Linguistics* 44, 2020: 39–58.
- Shibatani, Masayoshi. “Passives and related constructions. A prototype analysis”. *Language* 61, 1985: 821–848.
- Siewierska, Anna. “The passive in Slavic”. [In:] M. Shibatani (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1988, 243–289.
- Siewierska, Anna, Maria Papastathi. “Towards a typology of third person plural impersonals”. *Linguistics* 49, 2011: 575–610.
- Siewierska, Anna. “Overlap and complementarity in reference impersonals. *Man*-constructions vs. third person plural-impersonals in the languages of Europe”. [In:] A. Malchukov, A. Siewierska (eds.) *Impersonal Constructions. A Cross-Linguistic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2011, 57–90.
- Wälchli, Bernhard. “Advantages and disadvantages of using parallel texts in typological investigations”. *Language Typology and Universals* 60(2), 2007: 118–134.
- Wiemer, Björn. “The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages”. [In:] W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.) *What makes grammaticalization?* Berlin: De Gruyter Mouton, 2004, 271–332.

Владимир А. Плунгјан
Анастасија Д. Подгорна

ПОРОДИЦА КОНСТРУКЦИЈА С ФУНКЦИЈОМ „СНИЖАВАЊА АГЕНСА” У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА: НАПОМЕНЕ О МЕТОДОЛОГИЈИ КОНТРАСТИВНОГ ПРОУЧАВАЊА

Резиме

У раду се даје преглед конструкција с функцијом „снижавања агенса” у словенским језицима, при чему под снижавањем агенса подразумевамо смањење комуникативне улоге агенса што се обележава његовим изражавањем у мање привилегованој синтаксичкој позицији, изостављању или немогућности да уведе нови дискурсни референт. Словенски језици поседују читав низ таквих конструкција, укључујући партиципски пасив, субјекатски имперсонал с кратким облицима пасивних партиципа (облици на *-no/-to* у пољском), облици с континуантом протословенског **sę* који се у различитим језицима могу окарактерисати као пасивни или безлични облици, безлична употреба облика 3. лица, као и универзална употреба 2. и 1. лица и лексеме за значењем ‘људско биће’. Структурна и функционална разноврсност ових конструкција била је предмет бројних истраживања, али и даље предстоји много посла како би се одредило под којим се условима бира одређена конструкција у односу на остале. У раду се истиче да паралелни корпуси представљају користан извор за проучавање домена снижавања агенса и разматрамо њихова ограничења и могућу употребу.

Кључне речи: паралелни корпус, снижавање агенса, пасив, имперсонал, словенски језици.